

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Уральские рассказы

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М22

М22 **Мамин-Сибиряк Д.Н.**
Уральские рассказы: Том 1 / Д.Н. Мамин-Сибиряк – М.: Книга по Требованию,
2013. – 323 с.

ISBN 978-5-518-00435-1

ISBN 978-5-518-00435-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„ВЪ ХУДЫХЪ ДУШАХЪ“...

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Вотъ тебѣ и Шерама... — проговорилъ мой возница, тыкая кнутовищемъ по направленію блеснувшей изъ - за пригорка степной рѣчки Уразаевки. — Какъ на ладонкѣ...

Шерама, село дворовъ въ полтораста, красиво облѣпило бревенчатыми избами холмистый берегъ Уразаевки. Издали можно было залюбоваться имъ. Такихъ селъ въ Зауральѣ попадаетъ очень много. Одно только портило картину: насколько хваталъ глазъ, ковромъ разстилались все поля и поля, и нигдѣ не было даже клочка лѣса. А прежде, лѣтъ полтораста назадъ, судя по преданіямъ, вдоль береговъ Уразаевки красовались вѣковые бора, — и аборигены Шерамы, башкиры, откочевывали на лѣтнія тебеневки далеко, въ Ишимскую степь. Даже пней не осталось отъ этихъ боровъ, все выжгли уральскіе заводчики, имъ усердно помогали и сами крестьяне. Русскій человѣкъ цѣнить лѣсъ только тогда, когда его изведетъ до послѣд-

няго дерева. Впрочемъ, шераминскіе мужики не особенно тужать объ исчезнувшихъ лѣсахъ, потому что на мѣстѣ этихъ лѣсовъ теперь зеленѣютъ безконечныя хлѣбныя поля, сѣнокосы, и только часть остается подъ пустошами, куда выгоняютъ скотъ. Исторія этихъ исчезнувшихъ въ Зауральѣ лѣсовъ живо напоминаетъ исторію прежнихъ обитателей этого благословеннаго края, башкиръ; послѣдніе давно уже вытѣспены изъ лучшихъ мѣстъ русскимъ населеніемъ. Отъ башкиръ остались во многихъ мѣстахъ только одни пазванія. Такъ, рѣчка Уразаевка и село Шерама — несомнѣнно названія башкирскія, хотя въ Шерамѣ не найдете ни одного башкира, какъ и по всему теченію Уразаевки. Здѣсь плотно и крѣпко осѣло русское населеніе, и между бывшими башкирскими деревнями разсаялись чисто русскія села: Шляпово, Новоселы, Полома и т. д.

Но зауральскіи мужикъ совсѣмъ не того типа, къ какому привыкъ глазъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Здѣсь живетъ народъ „естевой“, т. е. зажиточный (вѣроятно, отъ слова: есть), „народъ-богатѣй“, если сравнить съ „Рассеей“. Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольныхъ мѣстахъ окрѣпъ тотъ же самый народъ, раздобрѣлъ. Не даромъ славятся сибиряки своей смышленостью и промышленнымъ характеромъ. Подъ бокомъ киргизская степь, Обь съ своими притоками; позади стѣной подымается Ураль — было гдѣ поучиться зауральскому мужику уму-разуму. Отъ деревни Шляповой до Шерамы везъ меня какой-то дядя Евмень и всю до-

дорогу весело балагурить на своемъ облучкѣ. При видѣ Шерамы, даже Евмень пришелъ въ пѣкото-рый восторгъ, потому, вѣроятно, что она раскину-лась, „какъ на ладонкѣ“.

— Важное село, — говорилъ, любуясь, Евмень, когда наша телѣга начала осторожно спускаться по крутому косогору прямо къ рѣкѣ. — А вонъ домъ попа Якова... Естевый попъ. Тебѣ къ нему?

— Да.

— Ну, ты, ма-ахонькая! — прикрикнулъ на свою лошадь Евмень, прыгая на облучкѣ; его рубаха изъ изгребнаго холста надулась парусомъ, показывая свои кумачныя ластовицы. — Попадья Руфина широгомъ попотчуетъ, — прибавилъ Евмень, поворачивая ко мнѣ свое широкое улыбавшееся лицо съ оскаленными зубами и загорѣлымъ румянцемъ.

— Любите попа Якова? — спросилъ я.

— Якова-то? Пошто его не любить — любимъ... Онъ у насъ какъ мохомъ обросъ. Теперь, надо полагать, на пятый десятокъ перевалило, какъ онъ поступилъ къ намъ въ Шераму. Нѣтъ, ничего, любямы Якова... У него десятинъ сорокъ, поди, посѣяно — да скотины сколько... всякой всячины — дивно! Яковъ-то все у насъ самъ доспѣеть *), своими руками, оттого мы его и любимъ. Примется пахать, такъ куды мужику, не угнаться... Могутный изъ себя, навалится на сабанъ, такъ лошадь-то только-только не закрихтитъ, едва выворотитъ полосу-то. Важно папеть... А примется косить или

*) Доспѣеть — поспѣеть.

сѣно метать, или молотить — только успѣвай глядѣть. А вотъ жать — нѣтъ, не можетъ, — съ улыбкой прибавилъ Евмень, поглаживая свою бороду мочальнаго цвѣта: — брюхо не позволяетъ... Какъ нагнется, глядишь и сѣть. Ей-Богу!.. Да и то сказать, старо мѣсто, на седьмой десятокъ перевалило, гдѣ ужъ за молодыми угнаться...

Послѣ короткой паузы Евмень тряхнулъ своей головой и, поправивъ шляпу на одинъ бокъ, проговорилъ задумчиво:

— А вѣдь у попа-то Якова понѣ не ладно въ дому...

— Что такъ?

— Да такъ... — коротко отвѣтилъ Евмень такимъ тономъ, который дѣлалъ дальнѣйшіе разспросы совершенно излишними.

Мы въѣзжали въ самое село. Широкая улица, обставленная рядами красивыхъ избъ, вела прямо къ каменной бѣлой церковкѣ, красиво прятаншейся въ густой зелени черемухъ, липъ и березъ. Наше появленіе, конечно, прежде всего обратило на себя вниманіе деревенскихъ собакъ, которыя съ азартнымъ лаемъ настоящихъ провинціаловъ провожали насъ до самаго дома о. Якова. Я очень люблю этотъ домикъ, выстроенный о. Яковомъ изъ стариннаго кондоваго лѣса; онъ такъ добродушно поглядываетъ изъ-подъ своей порыжѣлой тесовой крыши узкими окопечками съ бѣлыми ставнями, точно вотъ-вотъ сейчасъ хочетъ улыбнуться. Лѣтъ десять не бывалъ я въ этомъ домѣ, но онъ не измѣнился ни на волосъ, только какъ будто глубже вросъ въ землю да плотнѣе надвинулъ свою кры-

шу прямо на глаза, какъ старую разносившуюся шляпу.

— А вонъ и попадья Руфина!.. — проговорилъ Евмень, когда наша телѣга мягко подкатилась по зеленой полянкѣ къ воротамъ, точно по коври.

У воротъ стояла низенькая, толстая старушка въ полиняломъ темненькомъ ситцевомъ платьѣ и, заслонивъ черные узкіе глаза короткой пухлой ручкой, внимательно всматривалась въ меня. Ей было подъ шестьдесятъ, хотя на видъ она казалась бодрой еще не по лѣтамъ. Круглое добродушное лицо было покрыто мелкими морщинами; онѣ собрались около глазъ и рта лучами, разбѣгавшимися по всему лицу при каждой улыбкѣ.

II.

— Здравствуйте, Руфина Анемподистовна, — здоровался я, слѣзая съ телѣги. — Не узнали меня?

— Да гдѣ тебя сразу-то узнаешь, — отозвалась добродушно старушка, видимо, еще сомнѣваясь въ твердости своей памяти.

— Ахъ, батюшки... да вѣдь это ты... — встрепенулась старушка, называя меня по имени. — А ужъ я-то не чаяла тебя и въ живыхъ видѣть... Никакъ, лѣтъ десять будетъ, какъ ты не бывалъ у насъ?

— Около того.

Старушка обняла меня и расцѣловала, а потомъ, схвативъ за рукавъ пальто, бойко потащила въ „горницу“. Пока мы шли отъ воротъ къ старому крылечку, она нѣсколько разъ оглядывалась на

меня, какъ будто стараясь убѣдиться въ томъ, что имѣеть дѣло не съ призракомъ, а съ живымъ человекомъ. Конечно, при такомъ благопріятномъ случаѣ, старушка не преминула всплакнуть и, сквозь слезы, съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ шептала:

— Изъ себя-то ужъ ты больно тово... въ чемъ душенька!.. Все, не бойсь, училсь? Охъ-хо-хо... Учитесь вы до сѣдого волоса, а когда жить-то будете...

— Какъ о. Яковъ здравствуетъ?

— Здравовъ, ничего... Что ему сдѣляется?..

Дворикъ у о. Якова былъ устроенъ на крестьянскую руку. Службы были заняты „ста́йками“ для скотины, амбарами, сусѣками и громаднымъ сѣноваломъ. На задней половинѣ двора помѣщалось отдѣленіе живности; изъ-за перегородки весело смотрѣла мохнатая голова годовалаго жеребенка; нѣсколько овецъ лежало въ тѣни амбара, вытянувъ по землѣ шею. Изъ самой глубины двора выглядывала маленькимъ окошечкомъ крошечная банька; въ ней о. Яковъ любилъ отдохнуть лѣтомъ послѣ обѣда часокъ-другой и „позолотить хлѣбъ-соль“, т. е. покурить изъ большой деревянной трубки. Посреди двора стояла тюменская телѣга, на которой только-что пріѣхали съ поля; на колесахъ оставались слѣды вчерашней грязи, а пзъ кузова лѣзла во всѣ стороны неуспѣвшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Подъ навѣсомъ у погреба были сложены бороны.

— Милости просимъ... — говорила матушка Руфина, съ легкимъ перевальцемъ утицей забѣгая по настланнымъ дощечкамъ въ темныя сѣни; она рас-

пахнула дверь въ кухню и любовно смотрѣла на меня своими черными глазками.

Если во дворѣ было царство о. Якова, то за порогомъ сѣней начинались уже владѣнія матушки Руфины. Я всегда съ нѣкоторымъ благоговѣнiемъ переступалъ черезъ этотъ порогъ; за нимъ каждая вещь говорила о неустанномъ, вѣчномъ трудѣ. Налѣво отъ входныхъ дверей, за косякомъ, стоялъ обыкновенно посошекъ о. Якова; если посошекъ дома—и хозяинъ дома, посошка нѣтъ—и хозяина нѣтъ. Теперь посошекъ отсутствовалъ. Направо въ углу стояла крашенная деревянная кадка съ водой, а потомъ цѣлый арсеналъ сундуковъ, ящичковъ, ящичковъ, коробушекъ, плетенки и тому подобнаго „хлама“, какъ называлъ о. Яковъ весь этотъ хозяйственный скарбъ. Отъ самаго порога сѣней вела въ горницы бѣлая, какъ снѣгъ, тропинка изъ домашняго холста.

Ходъ въ горницы шелъ черезъ кухню и другого не полагалось. — „Что я развѣ губернаторъ какой, чтобы парадное крыльцо строить“, говаривалъ поплъ Яковъ. — „Я, братъ, своими руками домъ-то строилъ... Тутъ не много разгуляешься. Было-бы тепло!“ Впрочемъ, незнакомый человѣкъ не скоро-бы и догадался, что онъ въ кухню. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавѣской, посуда была всегда прибрана, и, можетъ быть, только одинъ пузатый самоваръ, всегда стоявшiй на залавкѣ, могъ навести нѣкоторое сомнѣнiе своимъ присутствiемъ.

— Снимай балахонъ-отъ свой, — говорила матушка, помогая мнѣ снять верхнее пальто. — Гость

будешь, да еще какой гость-то... Вотъ уже попь придетъ, такъ онъ какъ обрадуется...

Прямо изъ кухни одна дверь вела въ горницу самого о. Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегороджена низенькой ширмой пополамъ. За ширмой стояла широкая двуспальная кровать. Вторая дверь вела изъ кухни въ горницу матушки Руфины, крошечную комнату, выходившую однимъ окошечкомъ на дворъ. Нужно сказать, что въ домикъ о. Якова всегда стоялъ совершенно особенный воздухъ, весь пропитанный какимъ-то специфическимъ ароматомъ. Не то роснымъ ладаномъ пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью — не разберешь хорошенько.

— А это у васъ что за оружіе? — спросилъ я, разсматривая полицейскую шашку, которая висѣла на ширмѣ вмѣстѣ съ бѣлымъ китилемъ.

— Да вѣдь Прошку-то помнишь? Ну, еще изъ училища его тогда исключили! Это его муниція... Онъ у насъ урядникомъ служитъ въ Шерамѣ. Какъ же, чинъ получилъ недавно... Теперь гдѣ-то въ Полому уѣхать, ловить кого-то.

— Кого?

— Да въ Поломѣ-то попомъ о. Ксенофонтъ, а у него сынъ... Ну, тамъ гдѣ-то въ Москвѣ обучался. Только это такъ... онъ совсѣмъ ничего, а это Прошка придумать.

На маленькомъ столикѣ, который стоялъ въ углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные нумера газеты. На одномъ переплетѣ я прочиталъ: „Das Kapital, von Marks“.

— Это Кинтильяновы книги, — предупредила мой вопрос старушка. — Ты его не помнишь, поди? Нѣтъ, гдѣ помнить. Онъ еще въ училищѣ тогда учился, когда ты былъ у насъ въ послѣдній-то разъ.

— Вѣдь у васъ еще два сына?

— Да, какже... Митрей-то Яковличъ попомъ теперь въ Зюзиной служитъ, а Никаша — дохтуромъ земскимъ. Четверо ихъ у меня.

— А дочь? Вѣдь у васъ была дѣвочка, Аня. Старушка только махнула рукою.

— Замужъ вышла?

— Нѣтъ...

— Умерла?

— Хуже... — прошептала со слезами на глазахъ бѣдная старушка и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, таинственно проговорила: — ужю расскажу тебѣ вечеромъ, когда уберусь. Да вонъ и попь съ Кинтильяномъ идутъ... Обѣдать сейчасъ будемъ.

III.

Попъ Яковъ вошелъ въ это время уже въ кухню и, замѣтивъ меня, проговорилъ своимъ густымъ баскомъ:

— Да это, никакъ...

Онъ назвалъ меня по имени и, заключивъ въ свои могучія объятія, облобызалъ. Высокаго роста, съ могучей грудью, попь Яковъ смотрѣлъ настоящимъ русскимъ богатыремъ, а благообразная сѣдина придавала его фигурѣ нѣчто патріархальное.

Когда, мальчуганомъ, я училъ исторію ветхозавѣтныхъ патріарховъ, попъ Яковъ для меня служилъ живымъ и нагляднымъ примѣромъ; я отлично представлялъ себѣ фигуру библейскаго патріарха Якова, — стоило только закрыть глаза и припомнить попа Якова. Десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видалъ его, почти не измѣнили его наружности, за исключеніемъ развѣ того, что косматая окладистая борода изъ сѣдой превратилась въ желтую, да на высокомъ лбу легло нѣсколько глубокихъ морщинъ. И костюмъ на о. Яковѣ оставался тотъ же, т. е. нанковый синій подрясникъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, какихъ нынѣшніе модные батюшки уже совсѣмъ не носятъ; изъ-подъ подрясника выглядывала ситцевая рубашка - косоворотка, перехваченная тоненькимъ гаруснымъ пояскомъ чуть не подъ самыми мышками. Этотъ поясочекъ мнѣ всегда казался особенно забавнымъ, потому что безъ подрясника, въ одной рубашкѣ, какъ частенько ходилъ дома о. Яковъ, онъ походилъ на колоссальнаго ребенка. Старикъ любилъ въ такомъ видѣ работать во дворѣ или въ огородѣ, а на папнѣ это было даже ему необходимо, потому что подрясникъ только заплеталъ ноги и мѣшалъ работать.

Широкое русское лицо попа Якова глядѣло своими большими сѣрыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень рѣдко распускались въ улыбку. И въ фигурѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи лица сказывался человѣкъ, который „въ потѣ лица снискивалъ“ свой хлѣбъ. Я всегда любилъ эту спокойную увѣренность попа Якова, его медленную рѣчь, веселую